

Ольга

ЛЕВСКАЯ

*

В гробу все старухи похожи:
сухие сплетения пальцев
на впалой безвздошной груди,
сухая бескровная кожа,
укрывшая челюсти-пьяльца.
И нечего мёртвых бояться —
запомни, смотри, пережди.

Потом — пожилое застолье
с кутьей, киселём и блинами,
с шуршливым ещё шепотком:
а помнишь, а Галя, а Толя...
Подвыпили, завспоминали —
наполнился памятью дом.

Поминки — такая отрада
для тех, кому больше не надо
спешить в послезавтра, где ждут

такие же шёпот, конфеты,
соседним могилкам приветы,
нестрашный неведомый суд.

И лишь пятилетняя я —
боюсь истечения житья.

*

В старой посуде прячется время и застывает.
Ставишь тарелку с полувековой сиренью,
хлеб отрезаешь,
смотришь, как падают крошки.
Время такое лёгкое — понарошку,
если ты знаешь
правила светотени,
что пишет долы прошлого.
Все рельефы и впадины заливает
млечность воспоминаний,
отражена
многомерность —
вот сирень на тарелке
в детском саду, у бабы Аги,
у бабы Нюры, у бабы Ани, у бабы Тани,
вот вязанный мир в гостях.
Сижу на диване,
руки лежат на коленях,
а по бумаге
с буквами мелкими
про, кажется, верность
заветам ползёт муха,
газета уложена на
край стола.
Сейчас поставят — уже идут —
я ненавижу лук, чужую еду,
но люблю вот эту сирень в разных
кухонных обрамлениях.
Сквозь борщ, кашу, кисель ложкой достать
ветки сирени — и выпить.

БАБАНЯ

Бабаня живёт за забором в высоком доме —
сквозь рёбра забора мелькают рябые куры.
Бабаня всё время мурлычет про сына Юру.
Внук позже погибнет — или пойдёт в тюрьму?
Пока у Бабани — крыльцо и просторный двор —
загадкой тенистой. Иной суеты уклад:
ворота иначе замком навесным гремят,
на шаг половицы иначе ведут разговор,
у чая в гостях непривычный, чуть мыльный вкус,
зато на подушках болгарским крестовьем мак.
Бабанин платок в огороде — как белый флаг.
Бабанин волос седой был когда-то рус.
Бабаня — худа и белеса, лицо — яйцом,
скатившимся вдоль дороги, и сеть морщин —
скорлупкой побитой. К ней часто приходит сын,
а внук — никогда. Он — красавчиком, молодцом —
останется в рамке, у зеркала, в тех стенах,
где я пару раз побывала за много лет.
Но памяти до статистики дела нет —
бабаня тихо стоит, попирает прах.

*

На моих фотографиях всё чаще вижу
черты сибирской бабушки, она — всё ближе.
Бабушка вставала рано, одевалась просто,
была полной, невысокого роста,
в молодости один раз побывала в Сочи,
родила сына и двух дочек, вырастила двух дочек.
Боялась остаться без деда. Умерла раньше деда на восемь лет.
Сохранил фото-свет
последнюю встречу, где в её день рожденья — мы трое:
она, моя мама, я — единые кровью
стоим, обнявшись — разные, как три стадии развития бабочки:
личинка, куколка, окрылённая бабушка.

*

Вот галерея фотоснимков:
на этом снимке — я в пижамке
сражаюсь с тёплой липкой манкой.
Под стулом — мурзик-невидимка —
он всей своей пятнистой сутью —
не в кадре, но вполне в сюжете.
Пижамка в крапинках уютно
фланелькой греет, солнце светит
сквозь ситец фотосветотени,
сквозь синий, белый, жёлтый, красный,
сквозь тюль, сквозь шторы, сквозь ресницы,
и манка в памяти лучится
желтком подтаявшего масла,
и ждут какао и печенье...

УЧИТЕЛЬ

От него все требуют Януша Корчака.
Или — Сухомлинского с Макаренко корчить.
А мой учитель сидит на корточках
и кормит суслика ржавой корочкой.
Он с самым малым равняется ростом,
и потому любить его — просто.
Он ищет не гранит, а тесто —
как я. И мы лепим вместе
тёплый пирог домашний.

...И мне — не страшно.

*

Пора учить иврит, китайский, кошку,
пора купить кефир, кровать, гитару,
пора весны, мигрени, понарошку,
по кочану, по барабану...
Старый словарь историй жизненных листьев,

на вкус губами пробую и небом —
троянский конь и ангельская стая
в нём по соседству — нет, не букв, с чего бы
там быть соседям, звуками похожим —
там по иным проходятся раскладам,
там сходство вырастает из подвздошей,
где манипура с бабочками рядом.
Считать овец на счётах, деньги, душой
продать пальто, перчатки, чёрту душу,
словарь историй разбирает хмуро —
построить, посадить, родить, разрушить...
Я загибаю в горсть, пихаю в строки
и подпираю тоненькой обложкой —
вам так тепло, печально, одиноко —
пора учить иврит, китайский, кошку.

*

Когда-то, когда я была
взрослее на двадцать лет,
я смело на рынок пошла,
купила велосипед,
купила себе рюкзак,
сложила в него еду
и деньги, и просто так
уехала в Никуду.
Когда в Никуде вся жизнь
пошла наперекосяк —
налево, кругом и вниз —
я вмиг собрала рюкзак
и прыгнула вновь в седло,
нащупала пяткой педаль —
и радостно и светло
отправилась в Никудаль.
Но вот в Никудали стал
не так ароматен лес,
и как Никудали ни жаль,
мой велосипедный бес
меня вновь подбил, и вот,
став младше ещё чуть-чуть,
в неведомый Никудот
я еду — но труден путь.

*
Свободная касса, свободная касса,
тащите сюда лук, картошку и мясо,
селёдку и водку, винишко, сыришко,
овсяные хлопья и йогурт детишкам,
цикорий старушкам, какао девицам,
свободная касса, счастливые лица,
пищит аппарат, не читается скидка,
забыли пин-код, без штрих-кода напитки,
ещё семь часов, у кассирши, у Зои,
на кассе всё горе и счастье людское.

